

Ольга Власова

НЫБУТЫ

Книга 1. Луиза

Ольга Ивановна Власова

Ныбуты. Книга 1. Луиза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11953330

ISBN 978-5-4474-2485-5

Аннотация

Блеск и интрига там в цирке царит,
Женщина-кукла там в центре стоит,
Чтоб она маску свою там сняла,
Мальчика с мамой судьба привела.
Звери и люди дрожали пред ней,
В детстве не сладко бывало у ней.
Что же там будет у ней впереди?
Я-то ведь знаю, а ты уж прочти...

Содержание

Пролог	5
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	45
Глава 6	54
Глава 7	61
Глава 8	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Ныбуты

Книга 1. Луиза

Ольга Ивановна Власова

И одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился.

Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов;

Точно так же и получивший два таланта приобрел другие два;

Получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего.

От Матфея, гл. 25 15—18

© Ольга Ивановна Власова, 2015

© Дарья Андреевна Аверьянова, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Пролог

Эта история случилась давно. Земля переживала свой расцвет и диковинные цветы и травы покрывали ее, подобно пестрому восточному ковру. Люди были беззаботны и абсолютно счастливы, купаясь в любви друг к другу. Тогда и жил человек, умеющий видеть будущее.

Обыкновенный мужчина, отличительной чертой которого были спускающиеся до плеч волосы, старательно прятал свой взгляд, позволяющий заглянуть в душу человека. Зная, что будущее не столь прекрасно, поселившись в дальнем уголке земли, он занимался опытами по созданию эликсира жизни.

Как и любой творец, алхимик восхищался всем, что было создано природой. Каждое дерево, каждая травинка, каждый цветок вызывали в нем чувство восхищения. Но особой его расположенностью пользовался цветок, выросший на поляне недалеко от дома. Нежно-лазоревого, с атласными лепестками, шелковым стеблем и бархатными изумрудными листочками, тот издавал благоухание, помогающее забывать о невзгодах и наполняющее человека счастьем.

Алхимик всем сердцем полюбил прекрасное создание и потому старался как можно скорее найти формулу эликсира жизни.

Вот состав найден и с трепетом в груди мужчина пришел

к другу. Каждый день в течение многих месяцев человек добавлял по капле волшебной жидкости в воду для любимого. Когда стало понятно, что опыт удался и цветок будет жить неизмеримо дольше, то, забыв о чувстве меры, мужчина решил продолжить, чтобы и смерть не смогла забрать друга.

Прекрасным утром на залитой солнцем поляне влюбленный алхимик полив цветок присел рядом, наслаждаясь ароматом счастья.

Вдруг лепестки, переливаясь всеми цветами радуги, сжались в плотный бутон и взорвались миллионами прекрасных мертвых частичек, засыпав человека с головы до ног.

Вставший комок в горле не давал алхимику ни вздохнуть, ни выдохнуть. Когда, переведя дыхание, он осознал случившееся, то разум покинул его.

Состав чудесного эликсира был утерян, а из маленьких кусочков лазоревого цветка стали расти Незабудки, как напоминание о силе таланта и любви, которая может убить.

Часть 1

Глава 1

Тихим, серым, промозглым утром улицы небольшого провинциального города, утопающего в зелени, вздрогнули от нарастающего шума и гомона. Одетые в пестрые одежды люди правили лошадьми, везущими клетки на колесах, подбадривая их игрой на музыкальных инструментах.

– Что за шествие на наш город? – спросил случайно оказавшийся на улице прохожий у городского.

– Бродячий цирк, – с раздражением ответил тот.

В это время шествие разномастной толпы продолжалось. Приглядевшись, можно было увидеть в клетках зверей. Маленькие карликовые пудели соседствовали с ангорскими котами. В клетках-ангарах перевозили львов и тигров. Наверху одной стояло тяжелое, резное, красного дерева кресло с коричневым бархатным балдахином, обрамленным золотой бахромой.

– Как Вы думаете, что скрывается там? – спросил у городского любопытный прохожий, которому не терпелось разузнать все первым и разнести сплетни по всему городу.

– Откуда я знаю? – ответил тот.

Кто сидел в этом роскошном кресле, так и осталось загад-

кой.

– Надо быть начеку, – пробормотал городской, когда процессия с шумом и гамом проследовала к главной площади города.

– Идите домой, – обратился он к прохожему.

И тому, не оставалось ничего другого, как последовать этому совету.

Когда все то, что двигалось, остановилось, то возникла некая смута в последних рядах.

Люди старались остановить лошадей, которые по инерции продолжали свое движение. Из-за резкой остановки те вставали на дыбы с громким ржанием, гулким эхом разносившимся по мощеным улицам города N.

Наконец эта колыхающаяся, похожая на цветное желе, масса народа и животных остановилась и успокоилась.

Установилось короткое затишье, после которого движение внутри возобновилось вновь. Теперь люди, как трудолюбивые муравьи осваивали пространство на площади. Они распрягали лошадей, распаковывали багаж и сновали во все стороны. Вскоре вырос цирковой шатер нежно-голубого цвета с синими звездами.

– Мама, смотри как красиво! – воскликнул мальчик, проснувшийся от шума и выглядывающий из окна дома, стоявшего неподалеку. – Что это?

– Это цирк, – ответила мать, – и, если ты будешь послушным, то мы обязательно туда сходим.

– Мама! Я буду очень-очень послушным! Ты сводишь меня туда два раза?

– Посмотрим, – ответила женщина.

После установки шатра люди принялись расставлять клетки с животными на небольшой площадке на заднем дворе.

Покончив со всем этим, циркачи принесли несколько лестниц и, поднявшись по ним, начали с рук на руки передавать таинственное кресло. Поставив его на землю, чтобы, удобнее взявшись, отнести в шатер, люди, чего-то ожидая, остановились. Бархатный полог тихонько поднялся, и из-под него вышла...

– Мама, смотри какая девочка! – произнес малыш, продолжавший наблюдать за происходящим.

– Да, да, – ответила та, занимаясь своими делами.

Девочка, стоявшая ко всем окружающим спиной, была одета в шелковое платье цвета чайной розы, а маленькие ножки обуты в атласные туфли, расшитые редким жемчугом. Достав из-под полога сумку с дамскими принадлежностями, она обернулась и...

– Тетя! Мама, это маленькая тетя! – продолжал комментировать мальчик.

– Где тетя? – заинтересовавшись происходящим, спросила женщина.

– Да вон! Это не девочка, а тетя!

– Да, точно, – сказала мать.

Женщина, пытающаяся скрыть свой возраст, стараясь

одеваться и вести себя, как юная особа, вызывает жалость, но к нашей героине это не относилось. Маленькая женщина оглядывала все пытливым взглядом. По тому спокойствию, с каким она стояла, было видно, что ей далеко не двадцать лет, но ее это явно не тревожило. У нее было красивое имя – Луиза, которое очень шло ее миловидному лицу и белокурым волосам, спускающимся до пола. Правда, первое, что приковывало к себе взгляд, были не чудные волосы, а пронзительные, темно – стальные глаза, которые выдавали в хозяйке ум, пронцательность и неординарность. Она не производила впечатления общительного человека. Луиза пряталась в невидимом футляре, как фарфоровые куклы, стоящие на подставках в предназначенных для них коробках. Только по своему собственному желанию, которое у нее давно не возникало, она могла покинуть свое укрытие.

Окинув еще раз всех взглядом, молодая женщина, еле кивнув головой, снова села в кресло и опустила полог.

Люди бережно подняли кресло и направились к шатру.

– Унесли, – произнес маленький зритель, понимая, что на этом представление закончилось.

– Иди завтракать, – отозвалась с кухни мать.

Кресло занесли внутрь и, оставив его около комнаты, все ушли на покой.

К полудню лучи заспавшегося за тучами солнца начали робко трогать своими тонкими пальцами все, что попадалось им на пути.

Сначала, коснувшись черепичных крыш, пробежались по верхушкам пирамидальных тополей, погладили золотой купол храма и вдруг, наткнувшись на неизвестный предмет цвета неба, испуганно остановились и расплескали на него весь свет.

Наш цирковой городок стал просыпаться. Заспанные и немного помятые люди, вылезая из самых неподходящих мест для сна, растирали затекшие руки и ноги. Затем начали прохаживаться, чтобы размяться. Вдруг кто-то стал подпрыгивать, кто-то встал на руки, некоторые начали «ходить колесом», а другие ездить на одноколесных велосипедах. Спустя несколько минут все вокруг пришло в движение.

– Мама, смотри! Когда я вырасту, тоже научусь так делать? – услышав шум, выглянул из окна наш утренний друг.

– Что научишься? – переспросила мать.

– Ездить на одноколесном велосипеде?

– А тебе это важно?

– Конечно! – воскликнул тот. – Я думаю, что все мальчики хотят научиться кататься на одноколесных велосипедах.

А движение около шатра продолжалось, и лошади, чувствуя это, переминались с ноги на ногу, готовые влиться в людской водоворот. Через мгновение пестраядвигающаяся волна поглотила и их...

– Bravo! Bravo! – кричал мальчик. Ему казалось, что смотрит он в трубу – калейдоскоп гигантских размеров и там циркачи, как разноцветные стеклышки складываются в при-

чудливые узоры.

Внезапно начавшись, все и закончилось. Пестрая волна схлынула, лошадей привязали к деревьям, а люди начали умываться и готовить из нехитрых припасов то ли завтрак, то ли обед.

Вдруг животные в клетках затихли, люди перестали есть, и даже птицы, словно поперхнувшись своими трелями, прервали свое пение. Все смолкло.

– Мама, смотри! – неугомонный мальчонка не упустил кульминации этого уличного представления.

Тяжелые занавеси шатра распахнулись, и оттуда, как на арену, победно вышла Луиза.

«Внимание!.. На арене цирка!.. – пронеслось у нее в голове.

Ну, вот. Еще один выход, – подумала она, – но где же крики «Браво!»?»

И в ответ из знакомого уже нам дома послышались возгласы.

– Bravo! Bravo!

«Какой искренний мальчик, – с удивлением подумала Луиза, – последнее время стало казаться, что время нежных, восторженных детей прошло.»

Людям, находившимся на этой площади, пришлось подхватить инициативу ребенка и вскоре все стояли, аплодируя циркачке.

Выйдя, Луиза направилась к клетке с тигром, которого

цирк недавно приобрел. Это был роскошный представитель семейства кошачьих: рваное ухо указывало на то, что это боец, идущий до конца. Тигр лениво лежал на полу, положив голову на мощную лапу, ударом которой мог переломить спину крепкого барана и, когда циркачка остановилась, то не повел даже ухом.

«Эх, котик, котик, – подумала женщина, – не хочется причинять тебе боль. Но, что делать? Или я приручу тебя, или потом ты можешь съесть меня.»

Луиза, подойдя вплотную, начала пристально смотреть на животное: мощный зверь, почувствовав трепетание в воздухе, если бы мимо человека пролетал мотылек, начал неспешно поднимать голову.

«Началось,» – промелькнуло в голове женщины.

Когда их взгляды встретились, то несчастное животное, словно получив электрический разряд в голову, издало тихое, жалобное «мяв».

«Так будет, – мысленно объяснила Луиза тигру, – если ты не будешь выполнять мои команды.»

Она продолжила свою прогулку вдоль стоявших друг за другом клеток с хищниками, ненадолго останавливаясь и с удовлетворением кивая после осмотра каждой.

– Мама, а животным нравится жить в клетках? – спросил наш маленький друг.

– Я думаю, что и в золотой им вряд ли понравилось.

– Почему? В золотой, наверное, хорошо жить, – произнес

малыш.

– А сам бы ты хотел жить в золотой клетке? – ответила мать. – Я расскажу тебе сказку, а ты подумай.

– В одной дружной голубиной семье, которая жила под крышей самого красивого флигеля в городе, случилось чудо, родилась необычная голубка. Это была белая птица с небесно – голубыми крыльями и лапками, словно обутыми в красные сафьяновые сапожки. Про такое чудо не могли вспомнить даже седобровые голуби – сизари, которые знали много притч и легенд обо всей голубиной братии.

Очень все любили Голубинку. Приносили ей вкусных жучков и оберегали от хищников.

Красивая птица любила летать выше всех. Каждое утро на восходе солнца с замиранием сердца она растворялась в величии неба.

Но вскоре пришла беда, которая была в виде молодого мужчины коллекционирующего красивые вещи.

Увидев Голубинку, тот сразу захотел иметь такую диковинку. Человек понимая, что легко ему не удастся поймать голубку, решил приручать её постепенно.

Раз за разом приходил человек к месту, где жили голуби. Он доставал бархатный мешочек, высыпал зернышки и отходил, приглашая птиц отобедать. Потом садился невдалеке и наблюдал...

Спустя время птицы перестали бояться своего кормильца, и смело подлетали к нему, присаживаясь на плечи и на ру-

ки. Когда Голубинка тоже осмелев, оказалась там, то через несколько мгновений была опутана тонкой сетью. Как пленница ни билась, но ничего у нее не вышло.

Мужчина, взяв ее бережно в руки, отнес домой и, распутав сеть, посадил в клетку. Теперь белая птичка с небесными крылышками сидела в красивой клетке, украшенной бусинами из бирюзы, и могла видеть свое любимое небо только через прутья...

Человек нежно относился к своей пленнице. Приносил самые вкусные зернышки и самую чистую воду. Надев на лапку серебряное кольцо с длинной серебряной цепочкой, выводил её гулять. И только одного не хотел понимать, что живая красивая птичка-это не редкий предмет в коллекции.

Позже голубка стала болеть. Её белые перья стали грязно-желтого цвета, а голубые крылья, потускнев, затем и вообще посерели.

Коллекционер, обеспокоенный состоянием питомицы, пригласил самых лучших врачей, вердикт которых был неутешителен: отпустить на волю.

Тяжело вздохнув и сняв с птицы кольцо с цепочкой этот добрый в душе человек, отнес к месту, где жили голуби, посадил на ветку и отошел.

К больной Голубинке, сидящей на дереве, слетелась вся голубиная семья. И у нашей красавицы от предвкушения полета, счастья и страха одновременно, сжалось маленькое сердце.

Взлетев, ей стало страшно и захотелось вернуться назад в клетку украшенную бирюзой, но чувствуя поддержку друзей, потихоньку взлетела ввысь, и единение с небом охватило её. И все вспомнилось. Мироощущение стало глубже и ярче. Перышки вновь стали белыми, а крылышки – голубыми.

Так счастливо закончилась сказка... И многие голуби с той поры полюбили летать высоко в небе.

– Хорошо, что он отпустил птичку, – сказал мальчик.

– Я рада, что ты все сам понял, – улыбаясь, ответила ему мать.

В это время, закончив свое победоносное шествие, миниатюрная артистка вернулась в свою комнату, где ждал её завтрак. Свежие фрукты, нежный сыр и зеленый чай были поданы на серебряном подносе, украшенном свежесрезанными цветами.

Луиза давно привыкла к таким почестям, которые ей оказывали. Хотя раньше в детстве она и представить себе не могла подобного...

Глава 2

Глядя на нашу героиню, всякий человек терялся в догадках по поводу её возраста. Циркачка ничего о себе не рассказывала и правды о её детстве никто не знал.

Правда заключалась в том, что тридцать лет назад в семье финнов родился третий ребенок – девочка. Ее родители были красивой парой – высокие, статные, со светлыми льняными волосами и голубыми глазами. Старшие дети, мальчик и девочка, не испортили родительской породы, а были им под стать.

Младшая родилась очень маленькой.

– Кого ты родила, мать? – спросил отец Луизы у не пришедшей в себя после родов матери.

– А что такое? – еле прошептала обессиленная женщина.

– Это не ребенок, а какой-то котенок, – с возмущением произнес мужчина.

– Как я могла родить котенка? – с испугом в глазах спросила роженица.

– Иди отсюда! – погнала прочь новоиспеченного отца бабка – повитуха. – Не слушай его, милая, – обратилась она к женщине, – дочку ты родила дочку, но только очень махонькую.

Услышав эти слова, мать Луизы облегченно вздохнула и уснула тяжелым послеродовым сном.

Девочка родилась хилой и слабой в отличие от крепких брата и сестры и в семье к ней относились по-разному.

Мать любила её и жалела больше остальных детей, сердцем чувствуя нелегкую судьбу.

Отец сразу невзлюбил дитя, не веря, что у него может родиться такой ребенок.

– Не мое это семя. – говорил он. – Нагуляла подкидыша. – постоянно упрекал он жену.

– Побойся Бога, отец. – отвечала ему та. – Мы же всегда вместе в поле.

Но мысль о чужом семени так въелась в сознание мужчины, что от этого он начал чахнуть и вскоре умер, оставив молодую женщину с тремя детьми на руках.

Молча перенеся тяжелую утрату, мать Луизы только чаще стала поджимать губы и как-то тише говорить.

Шло время, женщина самостоятельно вела хозяйство, при каждом удобном случае привлекая к работе и старших детей.

Луиза почти не росла и была похожа на фарфоровую куклу на витрине магазина. Старшая девочка, не имея настоящих игрушек, играла с сестрой, наряжая её в чудные платяица которые сама и мастерила.

– Луиза, смотри, какое я тебе платье сшила, – говорила она. – Тебе нравится?

– Очень... – отвечала Луиза, – ты такая добрая и я так тебя люблю.

Так проходили все дни до тех пор, пока однажды.

Луиза сидела у окна, глядя на играющих на улице детей.

«Как хочется гулять со всеми, – думала Луиза, – но мама боится выпускать меня, чтобы ненароком не обидели.» В это время с громким мяуканьем победителя, кот, живущий в доме, принес в зубах мышь, но перепрыгивая через высокий порог, упустил ее.

Ловкая мышь, сверкая глазками – пуговками увидев сидящую Луизу, юркнула ей под подол платья и затаилась там.

Девочка сидела в оцепенении от ужаса, а кот покрутившись вокруг и не обнаружив ничего, убежал прочь.

– Это ужасно! – думала Луиза. – Неприятно когда под платьем сидя на твоих ногах холодными лапками прячется маленький грызун.»

Когда мышь выбралась наружу, у девочки даже в глазах потемнело от гнева.

«Как ты могла напугать меня, маленькая плутовка? – думала она.»

Мышь, не оборачиваясь, бежала к выходу.

Широко открыв глаза, девочка смотрела вслед убегающей мыши мысленно заставляя обернуться.

Было ли это совпадением или на самом деле она смогла силой мысли заставить зверька обернуться, но у нее получилось...

Мышь повернулась, и взгляды их встретились.

Раздался страшный грохот, и на улице началась непогода с громом, молниями и тропическими ливнями продливша-

ся неделю после которой поля матушки Луизы больше походили на рисовые плантации...

Мышь, от взгляда Луизы, или от грохота грома и сверкания молний, упала замертво, а маленькая девочка решила запомнить этот случай.

Спустя год случилось несчастье. Старшая сестра Луизы тяжело заболела.

«Любимая Христинушка, – думала девочка, – что я буду делать, если ты умрешь как отец, которого совсем не помню.»

Сидя у окна, маленькая девочка думала, как помочь сестре.

В это время в открытое окно залетел рой мотыльков, жучков, мошек и бабочек.

Посередине комнаты стоял круглый стол, покрытый бордовой скатертью, над которым висел огромный абажур с ярко светившей лампочкой. Та вероятно представлялась залетевшим насекомым естественным источником света. Будто посоветовавшись о чем-то и установив очередность в покорении светила, они по одному или парами взлетая с бордовой взлетной полосы, подлетали, делая круг почета, и садились обратно.

Два мотылька стремительно взлетев и не рассчитав свою скорость, налетели на искусственное светило и упали замертво.

Белые мертвые мотыльки, раскинувшие серебристые кры-

лышки на бордовой скатерти...

Их смерть была трагична и красива.

На миг все стихло...

И вновь все вернулись к полетам.

«Нет, не бывать этому, – решительно подвела итог увиденному Луиза и направилась к кровати сестры.»

Больная девочка лежала, вытянув вдоль тела бледные, тонкие, безжизненные руки. Лицо было мертвенно-желтого цвета, а вокруг рта появилась предательская синева, предупреждающая о приближении конца.

Забравшись на кровать любимой сестры, Луиза пристально стала смотреть на нее.

«Христинушка, – мысленно обратилась девочка, – ты должна жить... – Потом подумав, добавила, – Сейчас попробую тебе отдать свою любовь, а ты выздоравливай.»

Мать девочек, работая в поле, не могла видеть происходящего. Брат, сидевший в углу комнаты с книжкой, сначала хотел убрать младшую сестру от умирающей, да одумался, решив, что им нужно попроситься.

Прошел час. Луиза так же сидела на кровати у больной, которая казалось, лежала без видимых изменений. Только взглядевшись можно было увидеть, что исчез синий круг вокруг рта, мертвенная желтизна лица сменилась на ровный белый цвет, через который пробивался робкий румянец, а дыхание больной девочки стало ровное и спокойное.

Спустя еще час больная открыла глаза, села на кровати и

попросила пить.

Радостная маленькая Луиза запрыгала и захлопала от радости.

«Получилось! Получилось! – радовалась она.»

Затем обессиленная упала на пол, свернувшись калачиком и, положив руки под голову, заснула.

Вернувшаяся мать была поражена историей рассказанной сыном.

Осторожно взяв на руки дочку, бережно отнесла в кровать, в которой та проспала несколько дней.

Весть о чудесном исцелении в доме вдовы быстро распространилась по всем хуторам.

Через некоторое время к дому потянулись ходоки с многочисленными просьбами. Кому ребенка исцелить, кому остановить падеж скота, кому заблудшую овцу найти.

Мать, чувствуя приближение беды, пыталась объяснить, что произошло не чудо, а случайное совпадение, но приходившие люди не хотели слышать никаких отговорок и требовали участия Луизы в их бедах.

Девочка, словно ангел, спустившийся с небес, с душой прозрачной как капельки утренней росы стремилась делать добрые дела.

Как солнце светит, даруя свое тепло, не делая различий между добрыми и злыми, маленькими и большими, молодыми и старыми, так и Луиза спешила поделиться своим даром.

К сожалению, люди воспринимают солнечные свет и теп-

ло не как Божий дар, а как нечто само собой разумеющееся. Так же они стали относиться и к Луизе.

Девочка, стараясь помочь всем, тяжело заболела сама. А те требовали все больше и все меньше впоследствии благодарили.

«Бедное мое дитя, – думала мать Луизы, – родилось на свет чуть ли не котенком, а получила дар, который не по силам и крепкому человеку вынести. Зачем ей это? Лучше бы она жила, как все. Мы и так её любили, а она не страдала бы.»

Через день Луизу вновь позвали к тяжелобольной женщине. Войдя в комнату, девочка увидела смерть, стоящую у изголовья...

– Зачем ты здесь, дитя? – спросила смерть.

– Меня позвали, чтобы я вылечила больную, – наивно ответила малышка.

– Здесь пришло мое время хозяйничать, – усмехнулась та.

– Но я многих вылечила и постараюсь сделать и сейчас, – самоуверенно произнесла Луиза.

Смерть, молча, взглянула с укором, провела рукой по её лбу и мертвенно-бледная девочка упала на пол.

Перепуганная мать, схватив свою любимую деточку, выскочила прочь и бежала всю дорогу до дома.

Дома уложив дочку в кровать, перепуганная женщина села рядом, пристально вглядываясь в неживое лицо ребенка...

И от охватившей её тоски со страстью присущей матерям,

теряющим своих детей, пожелала она жизни своей дочери.

Много времени прошло, пока Луиза не выздоровела. Она очень похудела и еще больше стала похожа на фарфоровую куклу. Только во взгляде появились оттенки тоски.

Та женщина умерла, и родственники обвиняли Луизу в этом.

Никто из соседей даже не пытался вступить за девочку, забыв обо всем хорошем, что она сделала.

И когда, однажды утром проснувшись, мать увидела измазанные дегтем ворота, то сразу же запрягла лошадь в повозку, решив отвезти дочку к старинной приятельнице своей матери на дальний хутор.

Узнав о материнском решении, сестры, крепко обнявшись, сели в угол и, обливаясь слезами, клялись друг другу в вечной любви, чувствуя долгую разлуку.

Луиза с матерью добрались до дальнего хутора только к вечеру. Взяв дочку на руки, женщина подошла к полуразвалившемуся дому и вошла в крошечную темь.

На земляном полу, покрытом шкурами животных, лежала груда одежды, которая, зашевелившись, оказалась старой, согбенной саамкой, пристально вглядывающейся в пришедших.

– Добрый вечер, тетушка Суви, – поздоровалась мать Луизы.

– Добрый, коли не шутишь, – прошамкала беззубая старуха.

– Это я, дочка Уллы, – пыталась объяснить женщина.

– Той самой Уллы, у которой были длинные рыжие косы до пола? – вдруг более приветливо отозвалась старуха.

– Да, той самой, – облегченно вздохнув, ответила женщина.

– Она что все носит косы? – с усмешкой спросила саамка.

– Она восемь лет как умерла, – спокойно произнесла женщина.

– Тогда ее надо помянуть, – сказала саамка и окончательно выбралась наружу.

Достав бутылку темно-зеленого стекла с остатками черничной наливки, старуха пригласила гостей к столу. Помянув всех, кто ушел в мир иной, женщины и девочка поужинали хлебом и мочеными ягодами. Потом разговор плавно перешел о дальнейшей судьбе Луизы. Услышав рассказ о том, что происходило с девочкой, саамка согласилась с тем, что той лучше пожить у нее, вдали от людей.

Оставив немного денег и, пообещав иногда навещать, мать развернула лошадь и двинулась ночью в обратный путь.

По дороге с ней случилось несчастье. В темноте, лошадь, не заметив ямы, споткнулась и повредила себе ногу. До дома они дошли, но больше в дальний путь отправляться не было никакой возможности.

Так была предрешена судьба Луизы на несколько лет.

Глава 3

После того как Луиза скрылась в цирковом шатре жизнь на площади возобновилась и все наполнилось пением, ржанием, разговорами и смехом.

Люди, доев остывшую еду, стали заниматься привычной работой бродячих артистов. Кто-то повел купать лошадей на местную речку, а еще надо было развешивать по городу афиши которые гласили, что: «Сегодня и целый месяц на арене цирка будут выступать клоуны, наездники на лошадях, воздушные гимнасты, акробаты и тяжелоатлеты, а так же дрессированные собаки и коты. А „гвоздем“ программы будут львы и тигры.»

– Мама, посмотри! – снова высунувшись из окна, сказал наш юный друг, которого звали Алекс.

– Что? – спросила мать, не отрываясь от вышивания.

– Сегодня будет цирковое представление, а ты обещала меня туда сводить, если буду хорошим. Я весь день старался!

– Конечно, мы пойдем туда. А разве обязательно идти сегодня? Тетя Анна сказала, что цирк пробудет целый месяц.

– Мама! – воскликнул малыш. – Если мы не пойдем сегодня, то завтра я умру.

– Нельзя говорить так. – с упреком ответила женщина. – Сейчас мне кажется, что ты капризничаешь.

– О нет, милая мамочка! – быстро ответил мальчик, – Тебе

послышалось. У тебя самый послушный сын на свете.

– Мда... – задумчиво произнесла женщина. – Придется вести самого послушного сына на представление.

– Ура! Ура! – захолопал Алекс.

– Только надо выйти пораньше, чтобы занять поближе места. – предупредила мать.

– Я хоть сейчас готов.

– Собираться будем через час.

Через два часа, Алекс с мамой, одетые в парадные костюмы, вышли из дома.

Со всех концов маленького города люди стекались к главной площади. Присоединившись к этому потоку, женщина с ребенком «плыли по течению», то и дело, раскланиваясь с друзьями, приятелями или знакомыми.

Такие знаменательные события были редкостью и понятно, что каждый старался попасть на представление в первый же день.

Тяжелее всех на этом празднике было городовому. Он стоял в белой парадной форме посередине площади красный от напряжения и усталости и пытался регулировать людской поток.

– Дама! – кричал он. – Возьмите за руку ребенка, он потеряться может, а мне придется отвечать.

– А Вы куда идете, дедушка? – продолжал он. – Еле ходите с палочкой, а все туда же, на цирковое представление.

«Что им всем дома не сидится? – мысленно продолжил

городовой. – Дома хорошо, тихо, из палисадника петунией пахнет, на ужин – пироги с рыбой и рюмкой черноплодной наливки. Красота! Потом лечь тихо на диван с газеткой, прикрыться от лампы и сладко-пресладко дремать... А тут стоишь как пугало на огороде и боишься, что беспорядки начнутся за которые уж точно начальство по голове не погладит.»

Алекс с мамой, взяв билет, направились к входу, который сверкал и переливался, приглашая зрителей. Мальчик с благоговейным трепетом вошел в цирк и, расположившись на свободных местах, во втором ряду, начал все осматривать.

Внутри купол цирка был темно-синий с голубыми звездами, под которым висели канаты и веревочные лестницы, а арена покрыта алым плюшем.

– Как же мне тут нравится! – со вздохом произнес Алекс. – Так интересно быть циркачом.

– Это не просто.

– Почему?

– Потому что артисты бродячего цирка как ветер. Сегодня здесь, а завтра там. И не могут иметь самых примерных в мире сыновей, – с легкой иронией произнесла женщина. – Ведь самые лучшие мальчишки должны учиться в школе, а для этого необходимо жить на одном месте.

– Пока ждем представления, я расскажу тебе сказку, – продолжила мать.

– В одной стране высоко в горах, скрытая от посторон-

них глаз, находилась необычная пещера, в которую слетались ветры со всего света. В ней они отдыхали и набирались сил. Здесь находили приют и легкие, нежные, летние ветерки, приносящие радостное облегчение в жаркие дни, и попутные ветры, помогающие на море и на суше. Не обходили стороной это место и мощные, ураганные ветры, тянущие за собой темный шлейф, образующийся от криков и стонов погибающих от смерчей.

Отсюда все они и вылетали на работу.

Однажды один из этих ветренных товарищей – Майский, пролетая мимо горной деревушки, случайно заметил кем-то оброненную, прелестную, расшитую бисером и лентами дамскую сумочку. Это чудесное творение рук человеческих как нежная лилия, выброшенная на свалку, лежало на пыльной дороге, и было так трогательно и беззащитно, что Майский ветер, не удержавшись, взял, еще не зная для чего...

Нашему другу пришлось изрядно попотеть, прежде чем он придумал, как летать с такой ношей.

Вернувшись в горную пещеру и почувствовав на себе восхищенные и немного завистливые взгляды товарищей, Майский Ветер страшно возгордился. И с той поры они стали неразлучны.

Спустя время ветер стал слышать порицания в свой адрес.

Дело в том, что сумка «тяжелым камнем» висела на шее. У него появилась одышка и за спиной звучали пересуды о том, что он уже не легкокрылый Майский Ветер, а последнее

дыхание осени.

Тогда перед ним встала трудная задача: сделать выбор между свободным полетом и непосильной, но прекрасной ношей...

С грустной печалью в ветреных глазах вернув прелестную подругу на прежнее место, он взмыл, обретя прежнюю легкость.

И когда ветер вспоминает об этом, то в Мае наступают «черемуховые холода» как снегом засыпая все белыми лепестками цветков...

– Красивая сказка. – сказал Алекс. – Но что это? Я – «тяжелая ноша»?

– Для кого тяжелая, – с улыбкой ответила мать, – а для кого и любимая! Есть такая поговорка, что «своя ноша не тянет»...

– А все-таки жалко, что Ветру пришлось оставить сумочку.

– Конечно, – согласилась мать, – но так бывает...

В это время все приготовления на арене закончились, и в воздухе повисло напряженное ожидание.

Послышалась какофония звуков, музыканты в оркестре настраивали свои инструменты. Потом все стихло, и грянула музыка. Одетые в яркие, блестящие костюмы циркачи выходили походкой победителей. Их тяжелый труд остался там за кулисами, а публике они должны дарить радость.

Что это было за представление!

Маленькие собачки решали примеры, коты ходили по канату, воздушные гимнасты выполняли такие пируэты под куполом цирка, что от них начинала кружиться голова. Клоуны ездили на одноколесных велосипедах и смешили публику. Было очень интересно, но все ждали «коронного» номера программы: выступления Луизы с хищниками.

Первое отделение закончилось, и объявили антракт.

– Когда же начнется вторая часть? – ерзая на кресле, спросил Алекс.

– Потерпи, дружок, – ответила мать.

– Мама, а что в цирке делает наш городской?

– Он на работе, сынок, – продолжая раскланиваться, произнесла мать, – ему положено следить за порядком и поэтому каждое представление обязан быть здесь.

– Вот это да! – вскрикнул мальчик. – Как ему повезло! Он каждый день будет смотреть представление.

– Ты думаешь это ему интересно?

– Мне было бы очень!

За время антракта арену превратили в большую клетку. Наконец зазвучала музыка, объявляя о начале представления.

«Начинается самое опасное, – думал стоящий неподалеку от Алекса с мамой городской, – надо быть начеку. Если что случится, то надо стрелять один раз вверх чтобы не допустить паники, а уж потом в этих кошек. Таковы инструкции вышестоящего начальства которому видней куда и как

стрелять... Может все обойдется и я смогу после представления спокойно отужинать?...»

В тишине раздалась барабанная дробь и на арену начали выпускать хищников, садившихся на приготовленные тумбы.

Снова все стихло, и вновь раздалась барабанная дробь.

В клетку зашла Луиза, одетая в черное обшитое блестками платье до пола. Вошла так, словно исполнит для зрителей танец и что это будет – неизвестно. То ли как розовое вино, фламенко, то ли глубокое, выдержанное с переливающимся послевкусием танго. Танец с хищником – смертельно красиво. Подобно опытному ныряльщику за жемчугом, когда тот многое знает и умеет, но в любой миг может не хватить сил, дыхания или просто остановиться сердце, Луиза, зная о силе своего дара, каждый раз с трепетом в груди заходила в клетку. Старые циркачи говорили что, если трепет исчезнет и артист станет спокойным и самоуверенным, то может все плохо закончиться.

«Добрый вечер, – мысленно поздоровалась с хищниками Луиза, – я рада вас видеть. Если хотите поужинать, то придется поработать. Я, как и вы сижу в клетке на потеху публике и зарабатываю свой хлеб не потом и кровью, а жизнью. Хотя я не жалею. Давайте работать, – завершила свой монолог Луиза.»

И началось то чего все с нетерпением и не напрасно ждали.

Это было восхитительно. Тигры прыгали с тумбы на тумбу, перемахивали через тросточку, Луиза ложилась на лежащих хищников, а в конце все же был танец с матерым тигром, как собачка преданно смотрящим циркачке в глаза.

Когда хищников увели с арены и Луиза вышла на поклон, то цирк взорвался от аплодисментов и криков: «Браво!»

Зрители забрасывали хрупкую Луизу, стоявшую в огромной клетке, цветами и конфетами, а она старательно улыбаясь, отрешенно думала о том, что может когда-нибудь выйдет отсюда и у нее начнется другая жизнь, хотя иной она пока не представляла.

Когда все закончилось и Алекс с мамой вернулись домой, то возбужденный ребенок не мог успокоиться и заснуть.

– Я не хочу, и не буду спать, – канючил Алекс.

– Если не будешь спать, то сон обидится и уйдет, а ты никогда не сможешь заснуть, – пытаюсь уложить ребенка, говорила мать.

– Ха-ха-ха! – засмеялся малыш, – так не бывает, потому что все умеют спать.

– Неправда, – ответила женщина, – некоторые взрослые не могут заснуть. Наверное, в детстве им не объясняли, что сон обижать нельзя.

– Тогда расскажи сказку про это.

– Хорошо слушай.

– В незапамятные времена в одном темном, дремучем лесу неподалеку от старого дуба жила семья медведей. Па-

па-медведь огромного роста с добродушными карими глазами, мама-медведица с глазами темного шоколада и медвежонок с глазами молочного шоколада ничем не отличавшийся от своих сверстников.

Малыш был непоседливый и непослушный. Родители очень расстраивались из-за этого, но тому все было нипочем. Дети в медвежьих семьях рождаются зимой и перед своим первым днем рождения должны укладываться в спячку. Мама и папа старались как можно больше рассказывать сыну о жизни медведей. И все было хорошо до тех пор, пока медвежонок не узнал, что во время своего дня рождения нужно спать. Он страшно возмутился и от этого его глаза из молочных превратились в темно-шоколадные... Отказавшись лечь спать малыш сказал, что будет дожидаться свой первый день рождения.

Наступило время спячки, и медведи полезли в берлогу, с надеждой оглядываясь, что их сын одумается. Но не тут-то было. Медвежонок, гордо задрав мордочку начал прогулку вокруг берлоги. Вприпрыжку сделав первый круг, он решил ходить степенно, но от неожиданности остановился. Перед ним стоял огромный медведь с красными злыми глазами. Это был шатун. Маленьким медвежонком он тоже не хотел ложиться и сон, обидевшись, ушел... С тех пор шатун так и ходит всю зиму без сна пугая всех в округе. Родители, конечно, рассказывали об этом, но медвежонок считал, что это глупые сказки. Страшно испугавшись, он побежал изо всех

сил. Несколько раз споткнувшись, вбежал в берлогу, немного косолапя. И с разбегу прыгнув между родителями, мгновенно заснул. После этого он стал послушным-препослушным и вовремя ложился спать.

«Ребенок-то мой заснул, – удовлетворенно подумала мать.»

Глава 4

Жизнь на дальнем хуторе Луизе поначалу показалась очень тяжелой. Старуха саамка, которая казалась угрюмым и нелюдимым человеком старалась жить, не нарушая целостности природы. Воду брала берестяным ведром из лесного ручья, питалась ягодами, грибами и орехами. Раз в неделю в проезжающей автолавке покупала хлеба.

Луизу старуха заставляла с утра до вечера собирать ягоды и лекарственные травы. Вскоре она стала смягчаться и даже по-своему привязалась к девочке, так как никого из родных у нее на этом свете не было.

Саамка знала травы и лечила людей, которые обращались к ней. Но к удивлению Луизы бралась лечить не всех.

– Чтобы был добрый хлеб нужно посадить колос, ухаживать и не давать вредителям его съесть. – объясняла она. – Чтобы человек выздоровел нужно убить в себе уныние и неверие.

– Но ведь ты лечишь людей травами, – не понимая сказанного, удивлялась девочка.

– Конечно, – смиренно отвечала та, – да только должно быть желание жить. Без этого никакие травы не помогут. Если человек хочет жить дальше, то они будут опорой в выздоровлении, – продолжала старуха.

– Ты же говорила, что есть очень сильные травки, – недо-

умевала Луиза.

– Да, они все такие. Только от разных болезней. И пить одного по полглоточка, а другого по полковшика. Вот смотри. – продолжала саамка урок. – Если болит ухо, то нужно взять три горсти корней малины выкопанных осенью, залить половиной берестяного ведерка горячей воды, настаивать от заката до восхода, процедить и пить по неполному ковшику утром и вечером четыре раза по семи дней. А при кашле нужно взять горсть тысячелистника и горсть цветков календулы, залить ковшиком кипятка, подождать пока остынет, а потом, процедив, пить по глотку утром и вечером, пока кашель не уйдет.

И она терпеливо повторяла названия трав, чтобы девочка запомнила.

– Бабушка, – допытывалась Луиза, – а, если ты так много знаешь, то никогда не умрешь?

– Почему?

– Плохо, когда умирают.

– Не знаю, плохо или хорошо. – ответила саамка. – В природе так заведено, и не нам решать.

– Я хорошо пожила. Старалась природе не мешать и людям добро приносить. Знаний за всю жизнь поднакопила, а теперь еще и подарок получила. Тебе могу все передать. – улыбаясь одними глазами, говорила старуха. – Если бы я вечно стала жить и с тобой, деточка, не поделилась, то в конце и с ума сошла. Нет уж! Лучше когда мой срок придет, я с

чистой душой к праотцам отправлюсь. Найду чем заняться.

– Если ты умрешь, как же я жить буду? – спрашивала Луиза. – Ведь матушка давно не приезжала. А я туда дороги не знаю, да и пешком мне не дойти.

– Не думай об этом, деточка. – успокаивала её старуха. – Когда почувствую, что мой срок близок, то что-нибудь придумаем. У каждого дня свои заботы. Посмотри, птица своих подросших птенцов сама из гнезда выпихивает, чтобы научились, и летать, и еду добывать. Так и мудрая мать не должна детей держать у своей юбки, а то ничего путного не получится. А пока я тебя многому должна научить.

– Родившись маленькой и хилой, – продолжала старуха, – взамен крепкого тела ты получила дар, которому позавидовали бы многие. С его помощью можно получить деньги, славу и власть, а можно приносить добро людям. Ты же вылечила свою сестру и всем помогала.

– Но люди оказались злы и не помнили добра, которое я делала для них.

– Главное быть честным перед собой, деточка, – со вздохом произнесла саамка, – вот тогда и умирать не страшно. А люди... Грибы бывают съедобные и нет. Мухоморами, которыми лоси лечатся, люди отравиться могут. Если все были хорошими, то между собой переругались бы. А так каждый на своем месте.

– Ох, бабушка, – вздохнула девочка, – вечно ты какими-то загадками говоришь. Я тебя иногда понимаю, а то совсем

нет. Это у тебя, наверное, оттого, что ты далеко от людей живешь.

– Не всегда я здесь жила, деточка, – ответила старуха. – Было время, когда и я среди людей жила.

– Расскажи бабушка.

– Хорошо, слушай. Жила я недалеко от того места откуда ты родом. Когда исполнилось двенадцать лет, заболела ма-тушка, через год умершая у меня на руках. Потом, то же самое повторилось с бабушкой, а еще через год и отец отошел в мир иной. Так в четырнадцать лет осталась я круглой сиротой. Чтобы прокормиться пришлось идти в няньки к богатым соседям. Не сладко быть в услужении у людей, которые на тебя как на мелкую букашку смотрят. Моченые ягоды здесь на вольном хуторе слаще десертов недоеденных господами. Родители меня растили в послушании и поэтому, я никогда на судьбу не роптала. Через три года другой сосед посватался, и мы сыграли свадьбу. Видно за все мои лишения прошлые и будущие такой подарок получила. Муж меня чуть не на руках носил, пылинки сдувал. И все делали вместе. Позавидовала моему счастью подруга, у которой недостатка в ухажерах не было. На краю леса жила старуха, к которой и собаки боялись подбегать. Посмотрит на пса своими бесцветными, козьими глазами, так тот, как ужаленный, от нее отскакивает. Вот с её помощью и приворожили мужа. Выгнал он меня в ночь из дома, а ту в жены взял. Я поплакала, да и ушла подальше от людей сюда жить.

– И ты ей глаза не расцарапала?

– Нет. Знать судьба у меня такая. Хоть немного счастья у меня было, так другие иной раз и этого не видят.

– А с ними, что потом было? – пытаюсь понять спокойствие старухи, спросила девочка.

– Доходили слухи, что не смог мой муж с этой женщиной жить. Страшно голова у него болела, когда он на нее смотрел. И вскоре она в страшную старуху превратилась. Вся черная душа на лицо вылезла.

– А почему ты не вернулась к мужу, когда он один остался?

– Так может и хорошо, что у нас с ним не сладилось. Приворожить-то не каждого можно, а того у которого зацепки есть.

– А старуха с козьими глазами?

– Та всю округу в такой страх ввела, когда в своей землянке у леса умирала, что много лет люди об этом судачили. Из её землянки такие стоны, ужасные крики и скрежет зубной слышался, что когда все стихло, люди через неделю только отважились туда зайти. А там уж разложившееся тело, по которому мухи и червяки ползали. Видно тяжело и страшно ей было умирать.

– А я вот еще хочу спросить, бабушка.

– Спрашивай, деточка, – ответила старуха, – что знаю – скажу, а уж чего не знаю, то не обессудь. Всего знать невозможно.

– Когда я последний раз пришла к больной, которая потом умерла, – грустно произнесла Луиза, – то смерть там видела. Она сказала, чтобы я уходила и рукой меня потрогала, когда ослушалась.

– А вот это нехорошо, деточка. – с укоризной покачав седой головой, произнесла саамка, размышляя о необыкновенном даре Луизы, позволившем ей со смертью разговаривать. – Если ты видишь её, а человек жить не хочет, то уйди – не стой на дороге, а то и тебя задеть могут. У всех свой срок. Хотя, – добавила она, – раз ты смогла спорить со смертью и выжила... Видно силы в тебе больше чем я представить себе могу.

Так и жили девочка со старухой. Луизе в тот год исполнилось двенадцать лет. Физический труд и простая еда помогли девочке окрепнуть и подрасти. Намного меньше обычных людей она была уже не фарфоровой статуэткой на подставке, а большой куклой, с рост девочки.

То лето было особенно урожайным на малину. В лесу кусты осыпанные ягодами склонялись верхушками до земли, создавая целые пещеры. Можно залезть в такой укромный уголок, лечь на мягкую траву, не глядя срывать душистые крупные ягоды величиной с лесной орех, и есть горстями, чувствуя, что пропитываешься насквозь. Не только Луиза полюбила это, но и все лесные жители повадились лакомиться. Невозможно было предугадать, с кем столкнешься в малиннике. Как-то раз девочка видела гадюку, которая обвив

телом веточку, уминала ягоды, жмуря свою узкую мордочку от удовольствия. Над ежиками, стоявшими на задних лапках, Луиза тоже от души посмеялась.

Встав рано утром, когда солнце еще спало, Луиза, умываясь и завтракая хлебом, пыталась понять пойдет ли сегодня дождь. Решив спрятаться, если тот начнется в пещеру, она отправилась за ягодами. В лесу было тихо, свет, пробивавшийся между вековых сосен, мягко стекал по их стволам. Если встать между этими великанами и закинуть голову вверх, то можно почувствовать, как небо сливается с землей. Луиза любила так стоять. Потом девочка, взяв берестяное ведро, стала собирать ягоды. Покончив с этим, решила передохнуть в малиновой пещере. От съеденных ягод и полумрака ее немного сморило, и она задремала. Проснувшись от того, что убежище ходило ходуном. Кто-то огромный ел малину, пытаясь обобрать все ягоды на ветках, и для этого всем весом наваливался на кусты. Сидящей внутри было не по себе от ощущения нависшей над собой громадины. Притаившийся ребенок пытался понять, кто этот любитель полакомиться и как выбираться, потому что громадина могла затоптать её. Немного насытившись, зверь зарычал от удовольствия, и Луиза узнала медвежий рев.

Девочка, сначала немного успокоившись, вскоре снова ощутила как холодное, липкое чувство страха вползает в нее и растекается по всему телу. Картинка, нарисованная воображением, как медведь, взмахнув лапой, задевает её, Луизе

совершенно не понравилась.

«Так, – подумала она, – умереть мне совсем не хочется. Что бы сказала по этому поводу бабушка Суви? Комар маленький, а любой зверь от него бежит. – голос саамки прозвучал так будто она находилась где-то рядом.

Это значит, что я должна сделать так чтобы он от меня убежал. – продолжала рассуждать девочка. – Легко сказать. А как сделать? Попробую его напугать. – подумала она, чуть не расхохотавшись от такой самоуверенности.»

Выбравшись из укрытия, Луиза увидела огромного медведя, с урчанием поедаящего малину. Обернувшись на шорох, зверь недовольно зарычал.

«Уходи отсюда... – мысленно убеждала медведя Луиза. – Если не уйдешь, то, как дам по носу, – неожиданно для себя добавила она.»

Медведь, недоуменно взглянув на девочку, вдруг прикрыл лапой нос и побежал.

Придя в себя, Луиза долго смеялась, вспоминая убегающего на трех лапах медведя. Вытащив из даже не помятой пещерки берестяное ведро, она спокойно пошла домой.

Потом девочка все рассказала старухе.

– Ты подумала, что ударишь его по носу, и он убежал? – переспросила старуха.

– Да.

– Твой дар еще больше пророс в тебе, – произнесла саамка.

– Но я только представила.

– Сегодня ты защищалась, но всем и всегда надо быть осторожным с мыслями и словами. – качая головой, объясняла старуха. – А тебе – особенно.

– Запомни – сказала старая саамка, – ты должна нести добро! Я многому тебя научила и это моя единственная просьба.

Через год старуха чувствуя приближение отхода в вечность, предложила Луизе поехать в город, из которого приезжала автолавка.

Дождавшись машины она, дав денег водителю, попросила пристроить девочку.

Луиза крепко обнялась с бабушкой Суви которая была не хуже родной матери и быстро ушла в машину глотая слезы.

Глава 5

В городе шел дождь. Начавшись еще вечером, лил всю ночь и, видя непрекращающиеся потоки воды, бегущие с неба, казалось, что соприкасаешься с вечностью и находишься где-то на границе этого и другого мира.

«Люблю дождь. – думала, лежа в постели Луиза. – В дождь, как и в тишине слышны свои мысли. Последнее время я стала больше думать наверное старею. – решила она. – Мне часто не хватает бабушки Суви. Вот у нее почти на каждый вопрос был ответ, хотя она не одобрила бы то чем я сейчас занимаюсь. А что плохого в том, что я лежу в кровати с шелковым бельем и еду мне подают на подносе? – продолжала циркачка. – Я же это зарабатываю честным и опасным трудом. Легко советовать делать добро почти всю жизнь, прожив в глуши и не имея никаких желаний. Тогда почему у меня все время «на душе скребут кошки»? Я взрослая женщина и не обязана отчитываться перед давно умершей старухой саамкой.

Взрослая женщина. Тридцать лет. Много это или мало? – продолжала размышлять Луиза. – Мало, если вспомнить, что бабушка Суви дожила до семидесяти, но с другой стороны много, потому что такие маленькие люди как я живут не больше двадцати. Теперь понятно, почему я стала так часто думать. Ладно, надо вставать, делать зарядку и завтракать.»

В это время в цирковом шатре начали пробуждаться люди, которые из-за дождя устроились на ночлег внутри. Пробудившись, они тихо вставали, стараясь не будить товарищей, потому что всегда с пониманием относились друг к другу. Кочевая жизнь была не сладкой, и цирк был их большой семьей. Первые проснувшиеся наведя нехитрый маршфет, начали варить кашу. Запах варившейся пшенки поплыл повсюду и проголодавшиеся за ночь люди стали просыпаться. Это было маленькое счастье бродячего артиста: проснуться в сухом шатре, когда идет дождь, от запаха готовящегося завтрака. Ведь часто непогода заставляла их в пути.

Наконец все окончательно проснулись и, неспешно позавтракав, начали заниматься своими будничными делами.

Обычно Луизе готовила еду молоденькая девушка с красивым, но ничего не выражающим лицом. В этот день она приболела, и завтрак приготовил юный акробат Штефан, светловолосый юноша с чистыми голубыми глазами, который был влюблен в нашу героиню, искренне думая, что этого никто не замечает.

Штефан с такой любовью резал, предназначенный для Луизы сыр, что все вокруг еле сдерживали улыбки. Расставив все на подносе и пригладив растрепавшиеся волосы, Штефан направился к комнате циркачки. Робко постучав и услышав приглашение зайти, молодой человек с подступившим комком в горле открыл дверь.

Луиза в это время только закончила свои гимнастические

упражнения и, переводя дыхание, сидела на маленьком пуфике. Увидев Штефана, она немного поморщилась, но выдавив из себя улыбку, поздоровалась.

– Доброе утро, Штефан.

– Доброе утро, Луиза, – с придыханием ответил юный акробат. – Вот твой завтрак.

– Спасибо, – сухо ответила дрессировщица, старательно уводя взгляд в сторону, думая о том, что он один из немногих в цирке кто хочет заглянуть ей в глаза. – Что случилось с Марией? – нехотя спросила Луиза.

– Она приболела и сегодня я буду готовить для тебя еду, – радостно сообщил молодой человек.

– Ладно, – произнесла Луиза, – поставь поднос и иди, потому что мне нужно переодеться.

– Хорошо, – согласился Штефан и ушел.

«Ну, вот, – подумала Луиза, – только юных влюбленных акробатов мне не хватает. Что он во мне нашел? – разглядывая себя в зеркало, произнесла циркачка. – Лучше бы в эту красавицу Марию влюбился. Хотя с другой стороны, – продолжала она рассуждать, – у этого парня недурной вкус. Наверное, надо быть с ним помягче.»

Переодевшись, она приступила к завтраку.

В это время на улице под проливным дождем, в длинных плащах с капюшонами, ниспадающими на глаза, люди чистили клетки и кормили животных. За этим наблюдал Алекс, прильнувший к окну. Ему было немного грустно оттого, что

идет дождь и ему не удастся посмотреть бесплатного уличного представления. Он смотрел, как в серой пелене дождя передвигаются люди и ему казалось, что они плавают в нем как в аквариуме.

– Алекс, иди заниматься – позвала мать.

– Совсем не хочется, мама, – поникшим голосом ответил мальчик.

– Что с тобой? – испуганно спросила женщина, подойдя к ребенку и трогая рукой его лоб. – Не заболел ли ты?

– Что-то в горле першит, – с хрипотцой ответил малыш.

– Срочно раздевайся и ложись в постель, а я схожу за доктором.

– Зачем нам доктор? – не желая, чтобы его оставляли одного, спросил Алекс.

– Чтобы я знала, как тебя лечить.

– Я не хочу оставаться один, – начал капризничать малыш.

– Что с тобой, Алекс? Ты всегда был таким разумным?

– Мне плохо, мама. – заплакал мальчик. – У меня ножки болят и голова, и руки, все – все, не уходи, пожалуйста.

– Что же делать? – всплеснула руками женщина. – Тебя срочно должен осмотреть врач. Я мигом, малыш, – натягивая на ходу плащ, убежденно говорила мать.

Перебегая через главную площадь, она столкнулась с выходящей из шатра Луизой и вежливо с ней поздоровалась.

Доктор, осмотревший Алекса, сказал, что это «свинка» в тяжелой форме и выписал жаропонижающее, обильное пи-

тье и постельный режим.

Бедный, несчастный мальчик, лежа в постели, тихо плакал от боли. У него болели уши, горло, ноги и руки и все его маленькое тельце крутило и корежило, но мужчины должны стойко переносить жизненные трудности, как говорила мама, и поэтому он старался не привлекать к себе внимания.

Всю ночь ему становилось хуже и мать сидела около него, меняя ледяные повязки на голове. Измученная, она решила сходить к доктору еще. На улице от свежего воздуха у женщины закружилась голова, и ей пришлось сесть на землю, чтобы не упасть навзничь.

Луиза, тоже плохо спавшая эту ночь, решила пройтись перед завтраком, чтобы освежиться. Недалеко от цирка она увидела сидящую на земле женщину, которая с ней вчера приветливо поздоровалась.

– Что с вами?

– Ничего пройдет, – ответила Елена (так звали мать Алекса).

– Вам же нехорошо, – пытаюсь поднять её, проговорила Луиза, – давайте я помогу. Где Вы живете?

– Мне нельзя домой. – с испугом в глазах ответила женщина. – Нужно срочно попасть к доктору, чтобы он еще раз посмотрел моего заболевшего сына, а то ему становится все хуже.

– Если Вы пойдете к доктору, то потом Вас тоже придется

лечить, – с раздражением сказала циркачка. – Давайте я помогу подняться и посмотрю Вашего мальчика, – командным тоном, не терпящим возражений, проговорила циркачка.

Елена посмотрела на Луизу глазами побитой дворняжки и, поднявшись, повела ее в дом.

Алекс лежал без сознания, и дыхание его было каким-то прерывистым.

– Чем Вы его лечите? – мгновенно оценив состояние мальчика, спросила Луиза.

Елена все показала и рассказала.

Луиза сосредоточенно думала, глядя в одну точку и потом, встряхнув головой, внимательно посмотрела на Елену.

– У Вас есть мед и синяя оберточная бумага?

– Должны быть, – с легким удивлением ответила Елена.

– Я пойду за травами, а Вы приготовьте все это, фарфоровую чашку со ступкой и плотно задвиньте шторы на окнах.

И, развернувшись, быстро ушла.

Минут через двадцать, вернувшись с охапкой травы, Луиза напрямик направилась на кухню, где заварила травяной сбор. В чашке истолкла чабрец и, смешав его с медом, нанесла смесь на бумагу. Затем подошла к мальчику и приложила этот компресс за ушами, плотно завязав сверху шерстяным платком. Перед уходом наказала матери поить ребенка травяным настоем по половине чашки три раза в день и обещала зайти после представления.

В цирке был полный аншлаг. Люди не имея в маленьком

городе других развлечений, готовы были хоть каждый день, в течение месяца смотреть одно и то же.

Алекс все это время спал, а когда проснулся, то был весь мокрый, и матери пришлось менять ему постель. Переодев в сухую пижаму, Елена начала чайной ложечкой отпаивать его настоем. Выпив все и почувствовав некоторое облегчение, мальчик попросил мать почитать ему.

– Но Луиза наказала, чтобы ты лежал в темноте.

– Какая Луиза? – поинтересовался ребенок.

И мать рассказала сыну о том, как ей стало на улице плохо, и что помощь ей оказала та дрессировщица из цирка которая, сходяв за травой и проделав некоторые процедуры, наказала продолжать лечение.

– А она доктор?

– Не знаю, – ответила мать, только сейчас начиная понимать, что выполняла все, не задумываясь.

– Но ведь тебе же стало лучше, – в задумчивости проговорила она и добавила, – а после представления она обещала зайти.

– И я смогу с ней познакомиться? – вымученно улыбаясь, спросил малыш.

– Конечно, – ответила чуть повеселевшая мать от того, что ребенку полегчало, – а теперь ты должен еще поспать, чтобы выздороветь.

– Я так долго спал, что не смогу заснуть. – со вздохом сказал Алекс. – Ты расскажи мне сказку, – хитро прищурился

глаза, добавил он.

– Ну, я же не волшебная шарманка, постоянно рассказывающая сказки, – пожалв плечами, проговорила Елена.

– Ты лучше, – слабым от болезни голосом сказал Алекс, – ты моя мама...

– Хорошо, слушай... Душным летним вечером, когда вся природа ждала хоть какой-то прохлады... На ветке осины сидели две птицы, воробей и дятел. О чем в этот вечер они так сильно спорили, что даже пух летел в разные стороны, мы так и не узнаем, потому что небо резко потемнело, и почти внезапно началась гроза, какой эти места не видывали. Молнии сверкали так часто, что казалось, будто везде включен свет.

К дождю, который лил стеной, присоединился ураганный ветер, мгновенно сваливший осину с птицами, прятавшимися на ветках. Те, упав на землю, затем провалились в чью-то нору. Так небесные жители оказались в земляной яме сверху прикрытой свалившимся деревом.

Немного посидев, нахохлившись, птицы, придя в себя, начали думать, как же им выбраться на волю.

Дятел, не отличавшийся сообразительностью, решил, что нужно откапываться из заточения. Он копал и лапками, и клювом и даже помогал себе крыльями.

На эту суету смотрел воробей, сидевший на земляном полу. Воробьиные силы были так ничтожны, что птица не могла их тратить понапрасну и поэтому он, крутя головой во все стороны, о чем-то думал. Потом встал правее середины ямы

и, подняв голову, пару раз клюнул вверх.

Дятел почти весь зарытый в землю даже не заметил, что произошло...

Земляной потолок, где клюнул воробей, немного осыпался, и показались листья упавшего дерева. В это время приятель, прорывший небольшой туннель, начал разворачивать его в другом направлении. Воробей же подпрыгнув, схватил показавшийся листок, и о чудо!..в яму пробился солнечный луч, которого дятел так и не увидел.

Умная птица, ухватившись за показавшуюся веточку, взмыла вверх. Ветки, пропустив маленькую птичку, вновь сомкнулись, оставив другого пленника в земляной темнице.

– Какие засыпательные у меня сказки, – посмотрев на спящего сына, улыбаясь, сказала мать.

Глава 6

Приехав в город, водитель автолавки пристроил Луизу в кондитерский магазин.

– А что ты умеешь делать? – спросил кондитер, осматривая Луизу с ног до головы.

– Собирать травы и лечить людей, – наивно ответила та.

– Пока будешь чистить вывеску на улице и за это бесплатно жить у меня и есть, – решил кондитер, – а там видно будет, – добавил он.

– Хорошо, – согласилась девочка.

Спустя месяц кондитеру пришла в голову мысль одеть Луизу в красивое платье и белый передник, чтобы та ходила по залу с крошечной корзинкой полной дорогих сладостей и предлагала богатым господам купить товар. Успех этой затеи был гарантирован. Глядя на ожившую большую фарфоровую куклу, никто не мог ей отказать. Дела кондитера благодаря Луизе шли все лучше и лучше, а девочка стала каждый месяц с оказией отправлять матери деньги.

Несмотря на более сытую жизнь у кондитера Луиза часто с тоской вспоминала свою жизнь у матери или у старухи самки, ведь там она была собой, а не витринной куклой.

«Сейчас в лесу красиво. – думала она. – Пушистый ковер из разноцветных листьев, по которому так мягко ступать. На улице еще не зябко и можно погреться в последних лучах

осеннего солнца. Хорошо – то как! Но, что делать, надо с благодарностью встречать каждый день как говорила бабушка Суви.»

Однажды во время сильного дождя под козырек кондитерской прибился маленький котенок страшно облезлый с шерстью, висящей клоками по бокам. Один глаз у этого заморыша был голубой, а второй – карий. Казалось, что это была насмешка природы над кошачьим родом, но у Луизы защемило сердце от любви и жалости к этому малышу.

– И откуда ты взялся такой славный?

Котенок посмотрел на нее своими разноцветными глазами и несчастно мяукнул в ответ. Луиза засмеялась и, завернув в свой белоснежный, накрахмаленный, батистовый передник, украдкой отнесла в свою комнату около черного входа. Вечером нагрела воды и искупала малыша с душистым мылом. Несмотря на то, что кошки не любят купаться этот детеныш, то ли из благодарности, что его подобрали, то ли из-за того, что Луиза мысленно уговаривала его потерпеть, молча, перенес все банные процедуры.

– Ох, до чего ты красивенький. – вытирая своим полотенцем, умиленно говорила Луиза.

Когда высушенный, благоухающий малыш получил от девочки еще и миску молока, то благодарности его не было предела. Это маленькое создание терлось головой о ноги, каталось по полу и наконец, вскарабкавшись на плечи девочки, лизнув два раза, успокоившись и свесив передние лапы,

будто обнимая юную хозяйку, сладко задремало.

Луиза давно не видевшая такой ласки и нежности замерла, и сладкие слезы счастья тихо капали на спящего котенка.

– Ты завела у себя кота без моего разрешения? – разгневанный хозяин, закипал от возмущения.

– Простите меня.

– Ты хочешь отпугнуть всех наших посетителей? – грозно спросил мужчина.

– Но, если вы выгоните кота, то вместе с ним уйду и я, – тихо, но с уверенностью в голосе ответила девочка. – И Ваша выручка станет прежней. – добавила она с усмешкой.

Такого удара хозяин не ожидал, и пришлось ему согласиться с неоспоримыми доводами, правда, попросив об одолжении, чтобы животное не попадалось посетителям на глаза.

Спустя время, благодаря стараниям и любви Луизы, из потрепанного заморыша вырос огромный роскошный кот тигриного окраса. Стоило Луизе закрыть за собой дверь, уходя на работу, как Цезарь (так теперь звали кота) ложился у двери и охранял жилище своей хозяйки не хуже сторожевого пса. Если кто-то случайно открывал дверь, то перед глазами у него возникал огромный кот, медленно поднимающийся и сжимающийся в тугую пружину чтобы вцепиться в непрошеного гостя.

Серыми тоскливыми вечерами девочка со своим другом чудесно проводили время. Им было хорошо вместе. Каза-

лось, они понимают друг друга с полуслова, полужеста, полувзгляда. Они кувыркались, бегали, прыгали и даже немного пели.

А еще через некоторое время Луиза научила его прыгать со стула на стул и ходить на задних лапах.

В таком безмятежном состоянии счастья проходили дни и месяцы, пока не случилась беда. Нерадивая хозяйская служанка, плохо закрыв заслонку печки, ушла к молочнику за сливками для свадебного торта заказанного накануне. И случилось несчастье. От вылетевших из печки искр загорелся деревянный пол, а потом начал полыхать и весь магазин.

Цезарь раньше всех почувывший неладное громким мяуканьем разбудил Луизу, которая еще спала, и вывел ее на улицу.

– Пожар, пожар, – закричала дрожавшая от холода Луиза. На крики сбежалась вся улица.

Огню не дали перекинуться на другие дома, но кондитерскую спасти не удалось.

Семью кондитера приютили дальние родственники, слуги разбрелись по другим домам, а Луизу с котом пригласил к себе игрушечных дел мастер который давно уже присматривался к девочке и придумывал способ переманить ее к себе на работу... А тут судьба давала ему в руки этот шанс, да еще и с меньшими затратами.

Город, где происходили события, был небольшой и небогатый и игрушки детям покупали только к праздникам. Хо-

зьяин игрушечного магазина с трудом сводил концы с концами. Поэтому, когда он увидел кукольную Луизу в кондитерской, то понял, что это единственная возможность как-то поправить свои дела.

– Я хочу предложить вам кров и работу.

– Вы возьмете на работу с котом? – недоверчиво спросила девочка.

– Конечно, – уверенно сказал мужчина, – такое чудесное животное я сразу полюбил, – слащавым голосом добавил он.

Не понравился Луизе ни этот человек, ни его чрезмерная вежливость и слащавость. Но ввиду того, что жилья у нее не было, а все сбережения, отложенные на покупку хоть какого-нибудь чуланчика, сгорели, и взять девочку с котом не было желающих, то приглашение пришлось принять.

«Почему, когда жизнь как-то налаживается, то случаются какие-то беды? – рассуждала она. – Что нас ждет с Цезарем в игрушечном магазине?»

Взглянув последний раз на то, что осталось от кондитерской, они двинулись к магазину.

Остановившись на несколько секунд у входной двери, Луиза почувствовала тревогу в сердце.

«Как-то у меня ноги не идут сюда, – подумала она, – но деваться некуда и придется это сделать.»

Стараясь не думать о будущем, Луиза переступила порог лавки.

Магазин внутри был небольшой и разделен на две поло-

вины. В одной стояли шкафы и витрины, заполненные игрушками, в другой стояли кровать, шкаф, обеденный стол и плита. Столь скудная обстановка разительно отличалась от нарядной кондитерской, где пару лет прожила Луиза.

Старый Мартин, так звали хозяина лавки, жил один, без прислуги. Готовить обед и прибираться приходила живущая напротив женщина.

Сиротливо стоящие посередине комнаты девочка с котом растерянно оглядывали свое будущее жилище.

– Я все быстро устрою, – с натянутой улыбкой скороговоркой проговорил Мартин.

И в самом деле, как по – волшебству появилась красивая деревянная ширма обтянутая полосатым сатином, которая отделила угол комнаты, предназначенный для проживания девочки с котом. Потом туда же поставили кровать сделанную Мартином в прошлом году на заказ для большой куклы. И в завершении у стены старый хозяин положил игрушечный матрас для друга Луизы.

Зайдя внутрь отгороженного угла и осмотревшись, Луиза поблагодарила Мартина за оказанную им заботу.

– Вы так добры. – произнесла девочка.

– Люди всегда должны помогать друг другу, – ответил Мартин с приклеенной на лице улыбкой.

Быстро умывшись, девочка со своим пушистым другом устроилась на покой.

«Как жаль, что сгорела кондитерская. – думала Луиза. –

Она была такая красивая. Почему она сгорела? – размышляла девочка и мысленно слышала голос бабушки Суви, – Может для того чтобы показать тебе, что жизнь скоротечна, может чтобы показать, что то, внешне красивое, тоже не вечно, а может у тебя будет в жизни что-то хорошее и чтобы ты смогла оценить и нужно пройти через испытания.»

Еще полежав немного Луиза, крепко обняв Цезаря, заснула. Всю ночь ей снился сон о пожаре в кондитерской, и она вздрагивала и тихо плакала не просыпаясь.

На следующее утро девочка проснулась, не помня о ночных кошмарах, и только опаленные усы кота указывали, что то, печальное событие, случилось на самом деле.

Началась новая страница в жизни наших друзей.

Глава 7

После представления, перед тем как пойти проведать больного Алекса, Луиза решила пройтись по лугу, который был недалеко от главной площади, чтобы прийти в себя и вдохнуть немного свежего воздуха, так не хватавшего ей в полном от людей и зверей помещении.

Спустившись по тропинке вниз, она остановилась. Лунный свет струился мягкими шелковыми складками и озарял весь луг. Яркие цветы выглядели не так красочно, но так же прекрасно.

Луиза не выдержала и легла на траву, чтобы пропустить это через себя. Лунный свет протекал через нее в землю и очищал её.

Отдохнув немного, она встала и пошла к больному мальчику.

Подойдя к дому, Луиза тихо постучала, и дверь открыла Елена. Вид у нее был уставший, но увидев дрессировщицу и обрадовавшись, с удовольствием проводила ее в комнату. Там было темно, и только тонкий лучик света от ночника, стоявшего на кухне, помогал обходить все стоящие препятствия.

– Как я рада, что Вы зашли к нам.

– Свои обещания я выполняю, – ответила Луиза.

– Нужно разбудить Алекса или мы можем попить чаю? –

спросила Елена.

– Я не тороплюсь.

– Вот и хорошо. – произнесла мать Алекса.

И они прошли на кухню.

Кухня была особой гордостью матери Алекса. Будучи натурой творческой Елена любившая придумывать сказки нарисовала сюжет одной из них на кухонных шкафах. Придуманно было очень удачно, потому что всегда находилась тема для разговора. Елена, отличавшаяся природной женской мудростью, считала что, если не хочешь, чтобы люди выкручивались и ввали, то не нужно задавать много вопросов. И поэтому у нее всегда была нейтральная тема, которую можно было развивать.

Луиза, которой в прошлый раз было некогда замечать окружающую обстановку, сейчас с интересом рассматривала нарисованные картинки.

– Как у Вас тут интересно.

– Да, многим нравится, – ответила Елена, доставая чайные принадлежности.

– Это какая-то история?

– Это сказка.

– Сказка? – удивленно переспросила дрессировщица.

– Да – пожав плечами, ответила мать Алекса. – Мы часто остаемся с сыном вдвоем, – добавила она, – и, чтобы коротать вечера придумываю сказки. Одну из них захотелось еще и нарисовать.

– Это Вы сами все рисовали?

– Да, – коротко ответила Елена, – правда раскрашивать мне помогал Алекс, – уточнила она.

– Красиво, – похвалила циркачка, которой эта женщина нравилась все больше и больше.

– Хотите я Вам ее расскажу?

– Сказку?!

– Ну да...

– Мне сказки рассказывала в далеком детстве старшая сестра, – задумчиво проговорила Луиза.

– Так хотите?

– Конечно.

И Елена, заварив чай и расставив на столе варенье, мед и домашнее печенье, села за стол и начала рассказывать.

– Это случилось в тот год, когда ветки рябины опустились под тяжестью ягод, превратившие осенью дерево в пылающий костер. В небольшом лесном озере появились два лебедя.

Птицы были величавы, хотя и немолоды. Один – черный с белыми проблесками на крыльях, а другой – белый с черными. Они так подходили друг другу, что казалось, если убрать одного, то образ второго рассыплется как мозаичная картинка без нужных стеклышек.

Когда они нежно и трогательно клали голову друг другу, то их отражения в воде сливались в круг, от которого как от солнца исходило сияние, и над водой поднималась радуга.

Дело в том, что у черного лебедя было повреждено крыло, и он не мог летать. Белый изо всех сил старался ему помочь, но гордая птица, привыкшая сама заботиться о своем светлом друге, очень деликатно отвергала все ухаживания за собой.

И не было на свете ничего прекраснее, чем жизнь двух птиц. За все время они не растеряли ни чувств, ни нежности друг к другу, которые с годами становились еще глубже. Глядя на них, каждый понимал, что это и есть настоящая любовь.

Так прошла осень и началась зима. Пошла мокрая белая крупа, затем ударили морозы и вскоре лег снег.

Прекрасные птицы так и плавали в лесном озере, согревая друг друга теплом тел и нежностью сердец. Ложась спать, утром с тревогой вглядывались в своего дружка.

И вот однажды черный лебедь не проснулся, и друг прижимался к нему, пытаясь жаром сердца отогнать смерть. Но чуда не произошло.

Не представляя жизни без друга белый так и остался там. Пролетавшие лебеди звали его в другие страны, но он не мог покинуть этого места. Каждое утро в память о любимом он клал камень на берегу.

Прошло время. Старый белый лебедь, положив последний камень в цепочку обрамляющую озеро, лег возле нее и умер.

Когда в ином мире их души воссоединились, то два человека нашли любовь, а на свадьбах молодым стали желать ле-

бединой верности.

– Красивая сказка, – немного задумчиво сказала Луиза.

– Но в жизни так не бывает, – добавила она.

– Почему не бывает? – удивленно спросила Елена. – Это сказка о бабушке и дедушке. Они любили друг друга, жили долго, и как мне в детстве казалось счастливо. Сначала умер дедушка, а год спустя бабушка.

– Вы же не знаете, как они жили?

– Не знаю, но надеюсь, что не ошиблась, потому что, если не было бы такого хоть иногда, то мир разрушился бы от всеобщей нелюбви.

– Вы так думаете? – спросила Луиза.

– Да, я так думаю, – ответила Елена, – и пусть меня считают «белой вороной», но это мое мнение и я никому его не навязываю, – добавила она уверенно.

Луиза в это время внимательно рассматривала хозяйку дома, которая с каждой минутой все больше и больше ей нравилась. Встречаются такие типы людей, обладающие тонкой художественной натурой и имеющие внутри такой стержень, который невозможно сломить.

Трудно описывать внешность людей, внутренне красивых. Елена была женщиной лет сорока, высокая, статная, с темно-русыми волосами, уложенными в высокую прическу и серо-голубыми глазами. Но какая-то особая стать, поворот головы, быстрый взгляд, все это привлекало к себе внимание.

– У Вас необычное имя, – неожиданно произнесла Луиза.

– Да нет, обычное, – приветливо улыбаясь, ответила мать Алекса. – Просто оно русское, – добавила она.

– Русское? – удивилась дрессировщица. – У Вас русские корни? – заинтересовалась она.

– Да, – смеясь, ответила Елена, – и корни русские и сама я тоже русская.

– Я не думала, что русские такие, – задумчиво проговорила Луиза.

– Какие? – продолжая тихо смеяться, спросила Елена.

– Интересные... – продолжая размышлять о чем-то, сказала дрессировщица.

– Теперь я начинаю понимать поговорку о загадочной русской душе. – добавила она.

– Ой, не могу, – продолжала уже тихо хохотать женщина, – что же во мне такого загадочного?

– Мне трудно пока об этом говорить. – произнесла циркачка.

Луизе в первый раз за много лет очень захотелось подружиться с этой странной женщиной сочиняющей сказки, которые нанизываются на внутренний стержень. Она ей чем-то напоминала её бабушку Суви.

– А, где Ваш муж?

– Он морской офицер, – коротко ответила Елена.

– Как Вы сочиняете сказки? – почувствовав нежелание женщины продолжать эту тему, Луиза попыталась увести разговор в другую сторону.

– Это бывает по – разному, – с удовольствием начала объяснять Елена, – иногда всплывают какие-то эпизоды из жизни и перерастают в сказку, иногда слышишь от кого-то интересную историю, но всегда это должно быть очень эмоционально.

– Хотела бы я еще послушать Ваши сказки.

– Так приходите к нам чаще и это развлечение я Вам обещаю.

– Спасибо за приглашение, обязательно им воспользуюсь.

В это время в комнате проснулся Алекс, и Луиза с матерью пошли к нему.

– Здравствуйте, – слабым голосом произнес мальчик.

– Здравствуй, дружок, – с улыбкой проговорила Луиза.

– Меня зовут Алекс, – представился ребенок первым, как его учила мама.

– Луиза, – с легким поклоном головы, проговорила циркачка.

– Вам очень идет это имя, – глядя восхищенными глазами на артистку, прошептал Алекс. – Оно такое же красивое, как и Вы.

– Спасибо, малыш, – зардевшись от искреннего комплимента, сказала Луиза.

– Мне так понравилось Ваше выступление, – с придыханием сказал Алекс. – Это так опасно работать с такими хищниками, – добавил он.

– Со всеми животными нужно быть начеку, – просто ска-

зала Луиза. – Обычная домашняя кошка может, защищаясь, прыгнуть в лицо.

– Это конечно правильно, – согласился разумный ребенок, – но тигры огромные, а Вы вон какая маленькая и он лапой может Вас убить.

– В состязании побеждает не тот кто больше или сильнее, а кто уверен в победе. – сказала Луиза. – Пока я в этой победе уверена.

– Наверное, нужно долго учиться этому, – вздохнув, подвел итог ребенок.

– Учиться? – на миг задумалась Луиза, – наверное, ты прав, – добавила она.

– Мама говорит, что нужно много учиться, – со вздохом произнес малыш.

– Ну, раз мама говорит... – с улыбкой проговорила дрессировщица, – то нужно слушаться.

– Я и слушаюсь. – кротко ответил малыш.

– Алекс, я очень рада была познакомиться с тобой и твоей мамой, но уже поздно и мне нужно идти, а тебе спать, чтобы быстрее выздороветь.

– Вы уже уходите?

– Обещаю завтра снова навестить вас.

– Правда?

– Правда, дружок.

Луиза, попрощавшись с Алексом и его мамой, вышла на улицу. Темное небо со звездами напоминало купол цирка, и

дрессировщица подумала о том, что может, цирковой шатер укрывает всю землю...

«Если сравнить жизнь с моим выступлением, – размышляла Луиза, – то все неприятности и беды, которые нас подстерегают, это хищники и выйти из этого состязания может лишь тот, кто уверен в себе и правильности выбранного пути.

Широкая и глубокая река текущая по равнине несмотря на свою мощь гораздо безопаснее небольшой горной речушки. – мысленно услышала она голос бабушки Суви. – Правда, и по ним ходят знатоки, но для этого брод надо знать и уверенность иметь, чтобы не погибнуть...

Да, – продолжала думать Луиза, – в цирке все проще. Вот хищники, вот я, которая должна убедить их в своей победе. А как быть, если хищники сидят внутри тебя?...

По ягодке, по ягодке – отвечал мысленно голос бабушки Суви, – корзинка-то и наберется...

Все! Не могу больше думать – встряхнув головой, подумала Луиза, – умываться и спать!»

В комнате Луиза, быстро умывшись и переодевшись, юркнула в кровать и мгновенно заснула сладким как в детстве сном. И снились ей лебеди из сказки Елены.

Глава 8

Жизнь у Мартина оказалась намного сложнее, чем у кондитера. Девочке приходилось рано вставать и много работать, чтобы заслужить расположение хозяина. Только сейчас спустя время она часто вспоминала о своем недобром предчувствии, которое её посетило перед входом в игрушечный магазин. Мартин, несмотря на кажущуюся заботу, оказался непростым человеком – никогда нельзя было с уверенностью сказать, что от него ожидать. И дело, которому он посвящал свою жизнь, не процветало по вполне понятным причинам, а не из-за того, что город был небольшой и небогатый.

Для работы Мартин брал самые дешевые материалы, хотя цены устанавливал такие, что только отсутствие других игрушечных лавок в городе и праздники на которые принято дарить детям подарки давали ему возможность сводить концы с концами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.